

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, воспавъ опъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не пакъ ужъ много.
Къ помуже — чеспъ и слава имъ! —
Женипъбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не пакъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но еспъ волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Спрашишесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной оправы,
И почивайте въ пишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и черпей,
 Могиль и рая вѣрный жипель,
 И музы вѣпреной моей
 Наперсникъ, пѣспунъ и хранипель!
 Проспи мнѣ, сѣверный Орфей,
 Чпо въ повѣспи моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелеспной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А памъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
 Молишвой, вѣрой, и поспомъ,
 И непришворнымъ покаяньемъ
 Снискаль заспунника въ Свяшомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей:

И насъ плѣнили, ужаснули
 Карпины пайныхъ сихъ ночей,
 Сіи чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесць непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчашыхъ замка спѣвъ,
 И сердцемъ пронупымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣвъ;
 Душой Вадима призывали,
 И пробужденье зрѣли и
 И часно инокинь свяпыхъ
 На гробъ опщовскій провожали.
 И чпожь, возможно ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я?...

Младый Рапмиръ, направа къ югу
 Неперпѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думаль предъ закапомъ дня
 Пагнашь Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣлъ;

Напрасно випись предъ собою
Въ шуманы дальніе смопрѣль:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣль
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ випись мимо черныхъ скаль
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искаль.
Онъ на долину выѣзжаешъ,
И видишь: замокъ на скалахъ
Зубчапы спѣны возвышаешъ;
Чернѣюпъ башни на углахъ;
И дѣва по спѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идепъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ пишинѣ глубокой.

« Ложися въ полѣ мракъ ночной;
Опъ волнъ поднялся вѣсперъ хладный.
Ужъ поздно, пушникъ молодой!
Укройся въ шеремъ нашъ опрадный.

« Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на шайное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Тебѣ мы съ упренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Ложися въ полъ мракъ ночной;
Опъ волнъ поднялся вѣперъ хладный.
Ужъ поздно, пупникъ молодой!
Укройся въ перемъ нашъ опрадный. »

Она манишь, она поѣшь :
И юный ханъ ужъ подъ спѣною;

Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя полною;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онъ плѣнищельныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ черпоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ опшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя лапы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щипъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Руской бани.
Ужь волны дымныя шекутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фоншаны;
Разосплетъ роскошью ковѣръ;
На немъ успалый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Попутя нѣги полный взоръ,

Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою полпой.
Надъ рыцаремъ иная машеть
Вѣшьями молодыхъ берѣзь,
И жаръ оный нѣхъ душистый пашеть;
Другая сокомъ вѣшнихъ розъ
Успалы члены прохлаждаетъ,
И въ аромапахъ пошопляетъ
Темнокудрявые волосы.
Воспоргомъ виплязь упоенной
Уже забыль Людмилы плѣнной
Недавно милья красы;
Томился сладоснымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блещишь,
И, полный спраснымъ ожиданьемъ,
Оный паешь сердцемъ, оный горить.

Но вопть выходишь оный изъ бани.
Одѣшый въ бархатныя шкани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Рашмиръ

Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды Греческихъ дружинъ
И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣ, по слѣдамъ Парни,
Мнѣ славить лирою небрежной
И нагопу въ ночной пѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озарѣнъ;
Я вижу перемъ опдаленный,
Гдѣ випязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланишы
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье пайное манятъ;
Онъ спраспно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вопъ въ глубокой тишинѣ
Дверь опворилась; полъ ревнивой

Скрыпнѣть подѣ ножкой поропливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылашы,
Сокройшесь, оплешите прочь!
Проснись — швоя наспала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ упрасы!...
Она подходитъ, онъ лежишь,
И въ сладоспраспной нѣгѣ дремлешь;
Покровъ его съ одра скользишь,
И жаркій пухъ чело объемлешь.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Споишь недвижно, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ паспыремъ своимъ;
И вотъ она, на ложе Хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лице къ нему склоняешь
Съ помленьемъ, съ препетомъ живымъ,
И сонъ счастливица прерываеиъ
Лобзаньемъ спраспнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвспвенная лира
 Умолкла подѣ моей рукой;
 Слабѣесть робкій голосъ мой —
 Оспавимъ юнаго Рашира;
 Не смѣю пѣсней продолжатъ:
 Русланъ насъ долженъ занимать,
 Русланъ, сей випязь безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
 Упорнымъ боемъ упомлѣнь,
 Подѣ богашырской головою
 Онъ сладоспный вкушаетъ сонъ.
 Но вопъ ужъ раннею зарёю
 Сіеетъ тихій небосклонъ;
 Все ясно; упра лучъ игривый
 Главы космашый лобъ закипъ.
 Русланъ вспааетъ, и конъ решивый
 Ужъ випязя стрѣлою мчипъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
 Съ деревъ спадаетъ дрыхлый лиеспъ;
 Въ лѣсахъ осенній вѣпра свиспъ
 Пѣвиць пернапыхъ заглушаетъ;

Тяжелый, пасмурный шуманъ
Нагіе холмы обвиваетъ ;
Зима приближилась — Русланъ
Свой пупъ опважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ :
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ шуманомъ,
Русалки, шихо на вѣпвахъ
Качаясь, выпязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манящъ, не говоря ни слова...
Но шайнымъ промысломъ хранимъ,
Безспрашный выпязъ невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ,
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ;
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между пѣмъ, никѣмъ незрима,
Опъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Чшо дѣлаешъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмольна и уныла,
Одна гуляешъ по садамъ,
О другъ мыслишъ и вздыхаешъ,
Иль, волю давъ своимъ мечшамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улепаешъ;
Опца и брапъевъ обнимаешъ,
Подружекъ видишъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забышы плѣнь и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое перяешъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣшь не смѣя,
Межь пѣмъ по замку, по садамъ
Прелесшной плѣнницы искали,

Мешались, громко призывали,
Однако все попускакамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всё бросались къ ней толпою;
Но въ спорону — незрима вдругъ —
Она неслышно спопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минушныя слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣпвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измяпый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали
Чпо пьешъ иль кушаешъ княжна.
На вѣпвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минушнаго искала сна —
Но только проливала слезы,

Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвошой,
И рѣдко, рѣдко предъ зарѣй,
Склонясь ко древу головой,
Дремала понкою дремошой;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умышья хладною спруёю:
Самъ карла упренней порою
Однажды видѣлъ изъ палапъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгаль водопадъ.
Съ своей обычною поскою
До новой ночи, здѣсь и шамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріяпный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки Персидской шали,
Или заплаканный плапокъ.

Жестокой спраспью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился наконецъ
 Поймашь Людмилу непремѣнно.
 Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелеспной Циперей,
 Раскинулъ съпъ ея красамъ,
 Опкрывъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды нѣжныя запѣи...

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла шихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣпки
 Смопрѣла на цвѣшущій луть.
 Вдругъ слышишь—кличущъ: «милый другъ!»
 И видишь вѣрнаго Руслана.
 Его черты, походка, спанъ;
 Но блѣдень онъ, въ очахъ шуманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!»

Русланъ!... онъ почно!» И спрѣлоу
Къ супругу плѣнница лепишь,
Въ слезахъ, пренеца, говоришь:
« Ты здѣсь... ты ранень... чпо съ побою? »
Уже доспигла, обняла:
О ужась... призракъ исчезаешь!
Княжна въ сѣпяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаешь.
Хладѣя, слышишь грозный крикъ:
« Она моя!» и въ попь же мигъ
Зришь колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкѣй спонь,
Падешь безъ чувспвь — и дивный сонъ
Обьяль несчастную крылами.

Чпо будешь съ бѣдною княжной!
О спрашный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаешь дерзоспной рукой
Младья прелеспи Людмилы!
Уже ли счаспливъ будешь онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кпо-то карлу вызываешь.

Въ смяпении, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубящъ опящъ; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ лепитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

